

Ю. М. ЛОТМАН

РАДИЩЕВ И МАБЛИ

Изучение идейных отношений Радищева и Мабли принадлежит к числу назревших научных вопросов. Указанный еще В. С. Сопиковым факт перевода Радищевым книги Мабли после разысканий В. П. Семенникова приобрел научную достоверность¹ и широко используется в радищевской литературе. Беглая характеристика Мабли в связи с возможным воздействием его на Радищева дана еще в работе Сухомлинова.² В 1935 году Я. Л. Барсков в содержательной биографии Радищева привел упомянутые Сухомлиновым данные об изучении русскими студентами (в том числе и Радищевым) «Публичного права Европы» Мабли еще в Лейпциге,³ а также сделал попытку определить степень воздействия на Радищева-студента политических и общественных идей Мабли, Руссо и физиократов.⁴ Ранее тот же автор указал на наличие в библиотеке, оставшейся после смерти Радищева, сочинений Мабли.⁵ В 1941 году редакция полного собрания сочинений А. Н. Радищева включила во второй том издания полный текст «Размышлений о греческой истории», дав в примечаниях обширный очерк, до настоящего времени остающийся наиболее полным освещением интересующей нас темы. Примечание к слову «самодержавство» в радищевском переводе книги Мабли неоднократно упоминалось

¹ В. П. Семенников. Собрание старающихся о переводе иностранных книг. СПб., 1913, стр. 43; В. П. Семенников, Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографической компании. Петербург Госиздат, 1921, стр. 12.

² М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, стр. 549—551.

³ Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 89—90.

⁴ Там же, стр. 95—98.

⁵ Я. Л. Барсков. Книги из собрания А. Н. Радищева. «Дела и дни», I, 1920, стр. 339.

в дальнейшем в обзорных статьях о творчестве Радищева, предпринимались попытки и более детального рассмотрения этого перевода,⁶ но в целом литература последних лет не прибавила чего-либо нового к разбираемому вопросу.

Рассмотрение идейных отношений Радищева к Мабли требует некоторых предварительных замечаний общего характера.

При определении воздействия идей, возникших в одних историко-национальных условиях, на писателей другой национальной среды необходимо учитывать разницу в путях развития каждой из конкретных культур, частью которых является данная идеологическая система. Своеобразные черты в развитии русской и западноевропейской прогрессивной философии XVIII века в конечном итоге определялись различием в характере классовых сил, искавших идеологического оформления своим практическим интересам, степенью развития общественных противоречий. Однако эти причины выступали опосредствованно как обусловленные наличной идеологической традицией.

На Западе материалистическое мировоззрение имело давнюю, восходящую еще к античности традицию. Широкое влияние на распространение материалистических идей оказала культура Возрождения. Таким образом, сравнительно полно развитая теория философского материализма сложилась там задолго до того, как вопрос о разрушении феодального порядка приобрел практический характер. Это помогло буржуазному мировоззрению найти последовательные формы идеологического выражения и объективно подготавливало умы к решительному штурму феодального порядка. «Писатели XVIII в. — проповедники эгоизма, вызвавшие столько самоотвержения, поборники отрицания, возбуждавшие фантастическую веру», — писал А. И. Герцен.⁷

Однако процесс распространения материалистических идей был весьма сложным и непрямолинейным. В период, когда внутренние противоречия феодального общества еще не настолько созрели, чтобы встал вопрос о полном его разрушении, и, следовательно, исторически не сложились условия для возникновения революционной теории, освободительные социальные выводы, объективно следующие из основных предпосылок материализма, еще не выступали на первый план. Материализм воспринимался лишь как учение, направленное на пересмотр

⁶ См., например, в книге: В. С. Покровский. Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева. Киев, 1952.

⁷ Ранняя редакция повести «Долг прежде всего», публикация Ю. Краковского. «Литературное наследство», т. 61, 1953, стр. 51—52.

средневековых идей в естествознании. Конечно, и эта критика церковных догм объективно играла великую революционную роль. Но нельзя упускать из виду и другое: усваиваясь аристократическими верхами общества (это было возможно в силу уже указанной непрямолинейности боевого антифеодального смысла материалистических идей), новое философское учение легко приобретало поверхностную искаженную сторону «барского скептицизма», который характеризует «все приходящие в упадок классы».⁸ Так возникал аристократический эпикурейский «либертинаж».

Еще не захваченная предреволюционным подъемом, умеренная, думавшая о реформах феодального порядка, а не о его уничтожении, французская буржуазия первой половины XVIII века была, однако, заинтересована в идейном разгроме феодального государства и его главной опоры — церкви. В связи с этим великие материалисты XVIII века во Франции смело сокрушали теоретические основы современного им общества, но были чаще всего весьма осторожны в практических политических выводах. Это привело к тому, что когда революционная ситуация начала назреть, материализм в глазах некоторых идеологов демократической массы, формировавшей свою теоретическую позицию, в результате их идейной незрелости оказался в известной мере скомпрометированным как учение аристократическое.

С другой стороны, мыслители-демократы второй половины века, безусловно отвергавшие всю систему феодальных общественных отношений, возлагавшие на нее ответственность за искажение человеческой личности, старались не замечать неизбежной связи идеи переделки общества с основными принципами материализма. Известная настороженность к философскому материализму характеризует не только идеологических предшественников революции: Руссо, Мабли и других, но и руководителей якобинцев. «Эта секта стояла в политике не на высоте народных прав», — характеризовал энциклопедистов Робеспьер. Напротив, Руссо и Мабли оценивались в период якобинской диктатуры как философы, «наиболее причастные к нашей революции».⁹ Создавалось своеобразное положение, при котором

⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 177.

⁹ Слова публициста Борье (Beaurieu), автора популярной брошюры «Ученик природы», поклонника Плутарха, Руссо и Марата. См. его издание: *Entretiens de Phocion. Sur le rapport de la morale avec la politique par Mably. Edition augmentée d'un Discours et notes, par l'Auteur de l'Elève de la Nature, où sont appliqués à notre nouveau Gouvernement, les principes*

материалистические теории не были «достроены» до революционных выводов, а революционные идеи, в свою очередь, часто оказывались без сознательной материалистической базы.

Иными путями шло развитие антифеодальной мысли в России. Освобождение общественного сознания от средневековых идеологических форм произошло сравнительно поздно, и распространение материалистических идей совпало с эпохой глубокого кризиса феодально-крепостнической системы. Так исторически обусловленный факт более позднего, чем в Западной Европе, распространения идей материализма неожиданно специфически положительно повлиял на характер его общественного восприятия. Материализм почти сразу же стал восприниматься как учение о природе человека и общества и не отделялся от социальных выводов. Это отпугнуло ту часть дворянских читателей, которые увидели, было, в буржуазных идеях лишь отвлеченную теорию. Мода на новинки атеистической мысли у читателей подобного рода (ср., например, перевод М. Щербатовым «Естественной политики» Гольбаха) быстро прошла. Острота социальных конфликтов обнажала общественную сущность философских идей, и дворянский читатель в испуге обратился к мистике масонов или догмам официальной церкви. Однако социальный кризис в России XVIII века не имел такого глубокого характера, как во Франции, и в силу этого демократическая идеология не получила широкого распространения, критика общественных порядков не коснулась обширного круга вопросов, сама разночинная масса, очень еще малочисленная, часто оказывалась в плену классово чуждых ей идей, а уровень общественной сознательности крепостного крестьянства был еще весьма низок. Но, вместе с тем, сам характер демократической мысли, коль скоро она возникла, был в известной мере иным.

В России выработался тип интеллигента-разночинца, далеко не всегда, в силу конкретных исторических обстоятельств, реши-

---

exposés dans cet ouvrage, A'Paris, L'an II de la République, стр. 27. Издание снабжено «вступительной беседой» и политически острыми примечаниями.

Это настороженное отношение к материализму энциклопедистов и противопоставление их Руссо определило и характер высказывания бабуниста Буонаротти Указав, что Робеспьер, когда его в 1789 году избрали в Генеральные Штаты, был исполнен благоговения перед памятью Руссо, он очень сухо отзывался об энциклопедистах. Совершенно в духе Мабли он утверждает, что вместе с распространенным философами-материалистами учением «в души вкралось горячее желание власти и богатства». «Освободившись от предписываемой церковью обрядности, они часто забывали о великих законах равенства и братства, провозглашенных Иисусом». Ср.: Philippe Buonarrotti. Observations sur M. Robespierre. «Revue historique de la Révolution française», 1912, № 9 (Janviermars), стр. 478 и 482.

тельного в политических выводах, но последовательного в материалистических принципах. Типом такого деятеля был, например, Пнин. Для наиболее же последовательных мыслителей, вроде Радищева, характерно соединение обеих идеологических линий — материализма и революционности. В этом смысле исполнено глубокого значения одновременное увлечение Радищева еще в Лейпциге Гельвецием, с одной стороны, и Руссо и Мабли — с другой.

Произведения Мабли были хорошо известны в России. Оставляя в стороне радищевский перевод «Размышлений о греческой истории», можно указать на появившийся в 1772 году перевод «Разговоров Фокионовых о сходности нравоучения с политикой» (к этому изданию мы еще вернемся), а также на появившееся в 1803 году в переводе М. Цветкова трехтомное издание «Нравственные основания нравоучения» и в 1812 году (в переводе Егора Гиляева) — «О изучении истории». Однако еще более широко был известен Мабли русскому читателю XVIII—начала XIX века во французских оригиналах.

В далекой Уфе в начале 90-х годов Г. С. Винский, обучая 17-летнюю дочь помещика французскому языку, читал с ней «труднейших авторов, каковы: Гельвеций, Мерсье, Руссо, Мабли».¹⁰

В недатированном письме (вероятно, 1801 год) Андрей Тургенев писал В. А. Жуковскому: «Я, брат, читаю теперь Raynal и Мабли; первый слишком часто завирается, второй вселил в меня твердость и спокойствие, презрение к глупым обстоятельствам».¹¹ В первом варианте черновой редакции XXII строфы VII главы «Евгения Онегина» Пушкин перечислил «избранные томы» библиотеки Онегина: «Юм, Робертсон, Руссо, Мабли, Баркон» д'Ольбах, Вольтер. Гельвеций».¹²

¹⁰ Г. Винский. Мое время. Записки. Ред. и вступ. статья П. Е. Щеголева. Изд. «Огни», Пгр., 1919, стр. 139.

¹¹ ИРЛИ, Архив бр. Тургеневых, ф. 309, № 4759 (листы не нумерованы).

¹² Пушкин, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, 1937, стр. 438. О чтении Мабли сообщал Карамзин Вяземскому («Русский Архив», 1872, стр. 1324); Муравьев по Мабли и Кондильяку изучал французскую историю с великими князьями Александром и Константином (Н. Жинкин. Муравьев. «Известия ОРЯС», т. XVIII, 1913, кн. 1, стр. 291); о влиянии Мабли на Г. Попова см.: М. М. Штранге. Отклики русских современников на французскую буржуазную революцию. «Из истории социально-политических идей», сборник статей к 75-летию акад. В. П. Волгина, М., 1955, стр. 347. В ряду популярных французских философов упоминается Мабли в шуточном стихотворении И. И. Дмитриева «Путешествие NN в Париж и Лондон» (Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев. Избранные стихотворения, Л., 1953, стр. 285). В «Вестнике Европы» (1804,

Хорошо известны были произведения Мабли и Радищеву. Кроме неоднократно отмечавшегося в литературе знакомства автора «Путешествия» с ранними произведениями французского философа, Радищев был, бесспорно, знаком с «Беседами Фокиона» и, как мы увидим в дальнейшем, с произведением зрелых лет Мабли: «О законодательстве, или принципах законов», а также находился в курсе развернувшейся в 1768 году полемики Мабли с физиократами.

Вряд ли можно предположить, чтобы появившиеся в 70—80-е годы труды Мабли на остро актуальные темы о положении Польши и Америки, равно как и его труды по вопросам истории и морали, не привлекли внимания Радищева, чутко следившего за новой политической и философской литературой. В письме от 3 марта 1783 года парижский корреспондент А. Р. Воронцова писал: «Ничто не производило у нас такого шума, как сочинение аббата Мабли о способе писать историю. Однако этот шум был вызван лишь свободой, с которой он отнесся к памяти Вольтера как историка».¹³ Книга в дальнейшем вероятно, была доставлена Воронцову.

Однако сам факт знакомства Радищева с произведениями Мабли мало еще о чем говорит; необходимо определить отношение автора «Путешествия из Петербурга в Москву» к идеям французского философа, а это, в свою очередь, требует хотя бы сжатой характеристики воззрений Мабли.

№ 17) была опубликована статья «Вольтер и Мабли, разговор в царстве мертвых», автор которой вложил в уста Вольтера следующую характеристику Мабли: «Почитаю вас самым жарким из революционистов, какие только мне известны. Если б живучи в мире, прочитал я вашу книгу „Гражданин“, то непременно поспешил бы, как можно скорее, продать свой Ферней, все закладные на имения и выехать из любезной Франции. Вы подали способы перевернуть вверх дном наше милое отечество» (ук. соч., стр. 59). Статья представляет перевод из журнала Архенгольца «Минерва».

¹³ Архив князя Воронцова, т. XXX. М., 1884, стр. 34. «О способе писать историю» в 1783 году уже не являлось новинкой — первое издание книги вышло в 1773 году, а в 1778 году появился труд Мабли «Об изучении истории». Каталог библиотеки А. Р. Воронцова содержит указания на следующие исторические труды Мабли (том каталога, посвященный книгам по философии, политике и политической экономии не сохранился): «De la manière d'écrire l'histoire. Paris, 1738; Observations sur les Romains. Genève, 1751; Observations sur l'histoire de la Grèce... Zurich, 1767; Parallèle des Romains et des français. Haye, 1741; Observations sur l'histoire de France. Genève, 1765. (Воронцовский архив в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, № 994, лл. 36 об., 46, 48, 89, 90 об.). В более позднем каталоге 1809 года содержатся указания на: Droit public de l'Europe, 3 vol. Genève, 1767; Principes des Négociations. Haye, 1757; Sur le gouvernement des Etats-Unis de l'Amerique. Amst., 1784; De l'Etude de l'histoire. Paris, 1778 (там же, № 995, лл. 8, 9, 13, 56).

. Идеи Мабли неоднократно рассматривались в научной литературе, причем советские исследователи сосредоточили основное внимание на изучении социальных воззрений писателя. К данной в работах акад. В. П. Волгина и ряда других исследователей характеристике коммунизма Мабли добавить можно немного. Значительно менее изучены противоречия Мабли как философа-моралиста.¹⁴ А между тем именно эта сторона вопроса оказывается весьма существенной для рассматриваемой темы.

Воззрения Мабли, даже в период создания им наиболее боевых произведений, были противоречивы. Отрицание частной собственности, признание ее основой всех общественных зол подразумевало представление о господстве социальной среды над индивидуальной нравственностью человека и содержало, как указывал В. П. Волгин, элементы материалистического подхода к общественным явлениям. Однако именно это представление об определяющем характере общественных условий не могло иметь иной философской основы, кроме материалистической формулы: «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими».¹⁵ Если материалисты типа Гельвеция, твердо принимая первую половину формулы, были весьма осторожны в истолковании тех общественных перемен, которые должны (пользуясь цитируемым К. Марксом выражением Гельвеция) «вырвать корни, порождающие порок», то в центральных сочинениях Мабли вторая часть формулы заполнена вполне конкретным социальным содержанием: писатель враждебен современному ему общественному порядку и всякому эксплуататорскому укладу вообще. Однако в решении гносеологических вопросов Мабли допускал колебания, наложившие отпечаток на всю его систему, включая и социологические выводы.

Автор последней по времени появления советской работы о мировоззрении Мабли, С. С. Сафронов, определяет философскую позицию Мабли как «одно из направлений материалистической философии, именно то, которое было представлено в Англии Локком, а во Франции развивалось братом Мабли — Кондильяком».¹⁶ Указание на связь Мабли с системой Кон-

¹⁴ Ср. интересную работу И. К. Луппола «Социальная этика Мабли и Морелли» в его книге: Историко-философские этюды. М.—Л., 1935.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство. Сочинения, т. III, стр. 160.

¹⁶ С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли. «Из истории социально-политических идей», сборник статей к 75-летию акад. В. П. Волгина, стр. 244.

дильяка имеет длительную историю¹⁷ и опирается на свидетельство самого Мабли в его работе «О развитии и границах разума». Однако оброненная автором фраза мало говорит о философских воззрениях Мабли, тем более что сам Кондильяк не был последователен в своем сенсуалистическом материализме, допуская высказывания и о непознаваемости мира (за что его упрекал Дидро), и о самостоятельности души.

Картезианская теория познания не вызывала у Мабли сочувствия. В полемике с физиократами он не устал издеваться над тезисом об очевидности постигаемой разумом истины и даже в позднем трактате «О прекрасном» иронизировал по поводу «власти, которую покойные экономисты приписывали своей жалкой очевидности».¹⁸ «Система врожденных идей, — писал он, — с полным основанием всеми отброшена».¹⁹

Однако преодолеть дуализм в решении основных философских вопросов Мабли не удалось. Человек для него «состоит из двух столь различных субстанций, как душа и тело».²⁰ Следствием этого является противопоставление чувств, страстей, с одной стороны, разума — с другой, как противоположных, борющихся начал.

Причиной заблуждений является то, что «наш разум обречен видеть только сквозь наши чувства (*à travers nos sens*)».²¹ Поэтому «наш разум должен усвоить привычку не доверять нашим чувствам». Люди, одаренные от «природы разумом, способным возвышаться над чувствами», — философы.²²

Рожденные чувствами страсти — основа губительного эгоистического начала в человеке, разум же влечет человека к общественному благу. В произведениях конца 60—начала 70-х годов, наиболее интересных в теоретическом отношении, Мабли, подходя к материалистическому объяснению природы человека, рассматривает социальную действительность — собственность и неравенство имуществ — как источник возникновения страстей, но, вместе с тем, у него часто можно встретить рассуждения о «вечности» страстей, как неотъемлемого

¹⁷ См., например, *Esprit de Mably et de Condillac relativement à la morale et à la politique* par M. Bérenger, à Grenoble, 1789, vol. I—II. В предисловии (стр. V—VI) автор сближает воззрения братьев-философов.

¹⁸ Mably, *Collection complète des oeuvres*, t. XIV, à Paris, L'an III de la République (1794 à 1795).

¹⁹ Там же, т. XV, стр. 23, также т. X, стр. 332.

²⁰ Там же, т. XV, стр. 42. Ср.: «Таинственный способ, который объединяет столь различные субстанции, как дух и материя» (т. X, стр. 258).

²¹ Там же, т. XV, стр. 44.

²² Там же, т. X, стр. 267—268 и 362.

свойства человеческой природы.²³ Мораль, по мнению Мабли, должна строиться не на основе личной пользы. Непросвещенный человек «считает мудрым то, что ему полезно».²⁴ Богатство, развивая губительную страсть — жадность, привязывает человека к личной пользе. Бедность способствует подчинению личных интересов общественным. Так Мабли оправдывает исторически определенный грубо уравнилельный характер своего коммунистического идеала. Утопия Мабли окрашена в аскетические тона. Имущественное равенство, «ограничивая наши потребности, сохраняет в нашей душе мир».²⁵ «Чем проще будут ваши потребности, тем ваши наслаждения будут чище и длительнее. Чем менее вы будете подавлять свои желания, тем более вы будете ощущать нужду, которая вас будет преследовать и осаждать со всех сторон».²⁶ Мабли резко осуждает политическое и социальное угнетение народа, рисует картины нравственного разложения собственнического общества, неоднократно заявляет себя сторонником народного суверенитета.²⁷ Однако проповедь демократии вступала в противоречие с теорией страстей, как ее понимал Мабли. Мабли выступает против руссоистского представления о доброй основе человеческой природы. «Дикий» «дообщественный» человек — игралище страстей — отнюдь не является для Мабли идеалом.²⁸

Коль скоро порожденное частной собственностью господство страстей уже существует, то наиболее нравственными членами общества объявляются наиболее просвещенные граждане, способные подавлять страсти разумом. Это — философы, слушающиеся разума и привыкшие не доверять свидетельствам чувств.

²³ «Страсти столь же древни, как и мир, всегда в дружбе и вражде между собой, всегда постоянные в своих заблуждениях, они не перестают воздвигать одной рукой то, что разрушают другой. Вот зрелище, которое представляют и человеческие общества, и отдельные граждане. Все это кончается революцией, но кончается только затем, чтобы повториться вновь таким же самым образом. Изменяются только лишь имена» (там же, стр. 238).

²⁴ Там же, т. VIII, стр. 352.

²⁵ Мабли, Избранные произведения, под ред. В. П. Волгина, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 73. — Разрядка моя, — Ю. Л.

²⁶ Mably, Collection complète, т. X, стр. 277.

²⁷ См., например: «Демократия должна служить основой всякого правления» (там же, т. VIII, стр. 351).

²⁸ «Погружаясь в глубь веков <...> вы в действительности не найдете почти во всех странах ничего, кроме людей, погруженных в отвратительное варварство, водимых скотскими страстями, жертвами которых они являлись. Дикари, подобные животным, кажется, как и они, обладали лишь грубыми инстинктами» (там же, т. XII, стр. 2).

Рожденные для «мудрой умеренности», они «знают, что счастье в нас, а не в предметах, нас окружающих, и могут избежать всеобщей заразы».²⁹ Характерно, что, одобряя мудрецов, стремящихся установить благодетельное равенство имуществ (так истолковывается, например, законодательство Ликурга), Мабли резко отрицательно относится к стремлению бедняков самими добиться равенства. Страсть жадности «вызывает надежды, которые подготавливают умы к уменьшению покорности, невозможно <беднякам, — Ю. Л.> помешать завидовать участи господ; бедняки желают возвыситься до них или их унижить до себя».³⁰

Применительно к современности прямое народоправство внушает Мабли опасения. «У этого уравнивателя есть некоторый страх перед массами», — пишет акад. В. П. Волгин.³¹ Выступая против монархии и аристократии, Мабли опасается и «прямого народного правления, своевольтва черни всегда слепая, всегда необузданная в желаниях своих».³² Власть должна осуществляться просвещенными представителями народа, находящимися под его контролем. Представитель народа — «законодатель, который приходит на помощь народу <...> дабы помешать ему злоупотреблять своей властью».³³

Боязнь прямого народоправства заставила Мабли даже предпочесть умеренную конституцию Массачузетса более демократической конституции Пенсильвании, одобрить, вопреки собственным принципам, имущественный ценз и даже оправдать то, что древнегреческие рабы были лишены политических прав.³⁴

²⁹ Там же, т. VIII, стр. 362 и 305—306.

³⁰ Там же, т. VIII, стр. 352.

³¹ В. П. Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789). Изд. АН СССР, М—Л, 1940, стр. 153.

³² Разговоры Фокионовы о сходности нравоучения с политикою, собранные греком Никоклесом. СПб., 1772, стр. 57. Характерно, что переиздавший книгу в 1794 году Борьё снабдил это место примечанием: «Если бы Мабли еще жил, если бы он увидал, как просвещается масса свободной печатью, публичностью заседаний Национальной ассамблеи, народными обществами, он отнюдь не страшился бы чистой демократии. Только это правление истинно, ибо только оно естественно».

³³ M a b l y, Collection complete, т. VIII, стр. 347—348.

³⁴ «Я возвращаюсь к Массачузетсу, сударь, и вижу, с удовольствием, что правительство держит в удалении от себя всех тех людей, которые не имеют имущества, кроме своих рук, и могут лишь волновать политическое управление, если им сообщить какую-либо власть. Возможно, что именно поэтому древние республики, столь глубоко понимавшие права человечности применительно к гражданам, оскорбляли эти же права, допуская существование рабов, которые не были в государстве ничем и были единственно покорны воле своих господ» (там же, т. VIII, стр. 387—388). В «Разговорах Фокионовых» автор презрительно говорит о народном собрании, в котором принимают участие невольники и иностранцы.

Противоречивость воззрений Мабли, противника тирании, защитника народных интересов, активного создателя характерного для революционной идеологии XVIII века культа античных добродетелей, определила сложность отношения к нему А. Н. Радищева.

В 1772 году в Петербурге появился анонимный перевод книги Мабли «Разговоры Фокионовы о сходности нравоучений с политикою, собранные греком Никоклесом». Изданная впервые в Амстердаме в 1763 году, книга эта еще не содержит свойственных другим произведениям 60—70-х годов коммунистических требований; так, говоря о законах Ликурга, Мабли еще не выделяет общности земель. Тем не менее книга уже содержит характерные черты воззрений зрелого Мабли: осуждение тирании, «нестественного» феодального порядка, неравенства в распределении имущества. Критерием целесообразности действий правительства является воля народа: «К чему служит персам завоевание всей Азии? Больше ли они от того имеют воляности? Подданной пользуется ли с большею надежностью своим счастьем потом как государь свое толь уродливо умножил».³⁵ Неравенство имущества губит чувство патриотизма: «Жадность к деньгам, нас снедающая, задушила любовь к отечеству». «Отечество, честь, правосудие все то он (богатый, — Ю. Л.) продаст, лишь бы было б кому купить. Сенатор, сокрушаем несварением в желудке, отдаст всю область тому, кто поднесет ему эликсир, удобный оживить утраченные его стомаха (желудка, — Ю. Л.) силы, а вы хотите, чтоб он наведывался, нет ли какого бедного гражданина, голод претерпевающего? Не чаете ль вы, что жадные и веселием удручаемые градоначальники очень способны мыслить о нуждах общества».³⁶

Переводчик не указал на титульном листе своего имени, но обращение к архивным источникам позволяет его установить. В делах типографии Академии наук за 1772 год находим под 20 августа: «Комиссару Эбормирскому приказать, чтобы он статскому советнику Г. Курбатову подаренной им Академии и напечатанной переводу его книги „Фокионовых разговоров о сходности нравоучения с политикою“ к преждевыданным ему г. Курбатову двенадцати экземплярам в знак благодарности выдал еще двадцать восемь экземпляров безденежно, записав в расход, с роспискою».³⁷

³⁵ Разговоры Фокионовы, стр. 74. (Страница ошибочно обозначена как 47).

³⁶ Там же, стр. 37 и 94—95.

³⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 543, л. 180. Петр Петрович Курбатов (1707—1786), писатель и переводчик, служил в Коллегии иностранных дел с 16 ав-

Перевод Курбатова не свободен от погрешностей, говорящих о не очень высоком мастерстве переводчика, но вместе с тем он свидетельствует о сознательном и самостоятельном отношении его к переводимому сочинению. Курбатов не перевел обширных авторских комментариев (в связи с этим опущенным оказался и последний абзац предисловия Мабли, поясняющий характер примечаний), но зато дал два своих. Встречающиеся в тексте термины «цензор» и «эфоры» снабжены следующим пояснением: «Цензор. В Римской республике был чин великий между важнейшими градоначальниками. Достоинство сие за верх всех честей почитается. Он попечение имел о пользе народной; он рассматривал и переписывал людей и каждого имения, распределяя по тому уравнивательные подати с римских граждан; в его ведомстве были капища, дороги, публичные здания. Власть его над всеми была толь большая, что он исправлял нравы; сокращал роскоши и всякие злоупотребления, лишал рыцарского чина; имел право выключать сенаторов, ежели кого признает недостойна быть в сенате по злomu какому или соблазненному поведению». «Эфоры. Градоначальники в Лакедемонии, которых название значит надзиратели; они надсматривали за всеми поступками граждан и как опекунами были над королями; надмерную их власть в умеренность приводили и прямо сопротивлялись сенату, который, преступая свою должность, обыкновенно изменял пользе народной».³⁸

Нельзя не заметить, что примечания Курбатова составляют не только фактическую справку, но и отражают определенную теоретическую позицию. И цензор, и эфоры рассматриваются как представители народа, контролирующие действия правительства. Таким образом, исполнительная власть правительства через выбранных народом лиц оказывалась под непосредственным контролем суверенной нации. Такая точка зрения несколько отличалась от позиции Мабли в переведенной Курбатовым книге, в которой автор решительно заявлял себя сторонником смешанного правления, опасаясь чрезмерного влияния охваченного страстями народа на власть.

густа 1760 года. Им же, видимо, выполнен перевод книги «Велисарий, сочинение г. Мармонтеля, академика французского, печатано при императорской Академии наук, 1769 С амстердамского 1767 года издания, переведено в Москве в том же году». Последняя помета, вероятно, необходима для того, чтобы отвести подозрение в соперничестве с изданной в 1768 году в Москве книгой «Велизер, сочинения г. Мармонтеля. Переведен на Волга» — коллективным переводом Екатерины II и ее двора.

³⁸ Разговоры Фокионовы, стр. 59 и 61.

Любопытно, что, вставив свое толкование роли эфоров и цензора, Курбатов не перевел близко расположенное примечание Мабли, в котором говорилось, что Платон и все другие великие мужи древности «всегда желали учредить в своих городах смешанное правление, которое, утверждая власть законов над должностными лицами и власть должностных лиц над гражданами, объединяет преимущества трех обычных правлений (имеется в виду демократия, аристократия, монархия, — Ю. Л.) и не имеет недостатка ни одного из них». Далее Мабли с осуждением говорил о том, что «власть народа в Афинах не знала границ. Правительство являлось лишь пустым названием...». Однако текст примечаний показывает, что, уточняя Мабли, Курбатов разделял самую суть его идей о главенстве народных интересов и стремление к возможному установлению равенства имуществ (об общности земли в «Фокионовых беседах» речи еще не идет). Характерно, что в функциях цензора он выделяет установление прогрессивного налога и «сокращение роскошей».³⁹

Мы сравнительно подробно остановились на переводе Курбатовым книги Мабли, поскольку текст ее был, бесспорно, в поле зрения Радищева. На это указывает, прежде всего, совпадение некоторых внешних особенностей обеих книг. Радищев, как и Курбатов, не перевел подстрочных примечаний Мабли, зато добавил свои. Как и Курбатов, Радищев краткое содержание глав, содержащееся в оглавлении («Sommaires») книги Мабли,

³⁹ В этом отношении любопытно, что в другой книге, переведенной Курбатовым — «Опыте о народных недовольствах, из сочинений Шевалье Вильгельма Тампля» (в книге «Два опыта». СПб., 1778) — среди великих писателей назван Томас Мор. В числе причин «непорядкам в государстве» автор переведенной Курбатовым книги называет «неравенство состояний» (там же, стр. 22). В переделах имущества Тампля (William Temple, 1628—1699) видит стремление «приводить (общество, — Ю. Л.) на первобытные его начала через оказание и самое действие некоторых великих добродетелей или некоторыми ж строгостями. Флорентинцы называют то в их республике Ripigliare il Stato; а римляне тож часто делали введением закона о разделе земель» (там же, стр. 27). Правда, автор настроен пессимистически и считает, что переделы происходили «без всякого успеха». Общество делится на довольных и недовольных: «... первые желают мира и соблюдения того, что имеют; вторые отваживаются на опасность в надежде достать себе то, чем другие законно владеют». Но само законное владение оказывается результатом древнего грабежа. Нынешние сторонники «порядка происходят от счастливых его противников». «Таким образом, древние норманы по разделению между собою отнятых у англичан земель и имений ревностными стали защитниками древних саксонских порядков или обыкновенных аглинских законов противу нарушителей оных собственных королей своих» (там же, стр. 29). Выхода автор не видит: общество вечно будет раздираемо враждой, в которой обе стороны по-своему правы и не могут прийти к примирению.

разнес по соответствующим главам. Можно предположить, что появление перевода Курбатова побудило Радищева опубликовать и свой, а возможно, и определило само решение переводить Мабли. Однако самым важным свидетельством в пользу предположения о знакомстве Радищева с переводом Курбатова является тот факт, что примечания «Размышлений о греческой истории» составлены с явным учетом примечаний «Разговоров Фокионовых».

Однако прежде, чем говорить об отношении Радищева к переводимой им книге, необходимо в нескольких словах остановиться на произведении, избранном им для перевода. Это тем более необходимо, что в научной литературе существует вряд ли оправданное стремление рассматривать радищевские примечания изолированно от той книги, к которой они были сделаны.

Основная тема книги Мабли — прославление республиканских добродетелей древнего мира. Не случайно преклоняющийся перед памятью Марата издатель «Фокионовых бесед» в 1794 году советует для воспитания истинных республиканцев читать «превосходные произведения Плутарха и Мабли». ⁴⁰ Рассматривая историю как политический урок, считая, что «довлеет почерпнуть в сих великих происшествиях нужные просвещения к соделанию истинного народов могущества и благоденствия», ⁴¹ Мабли утверждал, что именно судьба древних греков способна возбуждать величие добродетели. «Читая их историю, мы воспламеняемся, — писал он. — Представим себе землю сию, наполненную республиками, пышность и роскошь ненавидящими, населенную воинскими гражданами, любящими токмо правосудие, славу, вольность и отечество» (II, 326).

«Размышление о греческой истории» не может еще быть поставлено по глубине социальной концепции рядом с «Сомнениями, предложенными философам-экономистам» и «Законодательством, или принципами законов». Однако основные контуры идей Мабли здесь уже отчетливо очерчены. Придавая законодательству Ликурга в Спарте черты идеального общественного порядка, Мабли в первую очередь выделяет уничтожение частной собственности на землю: «Ликург, желая граждан сделать достойными истинную вкушати вольность, учредил в имении их совершенное равенство; но он не остановился при новом земель разделе. Природа вселила в лакедемонян без сомнения неодинаковые страсти; не тот же замысел

⁴⁰ Entretiens de Phocion . . , à Paris, An II (1794), стр. 26.

⁴¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 276. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте, в конце цитат, с указанием на том и страницу.

в приращении своих наследств: и для того он опасался, чтобы сребролюбие не собрало поместья в единую руку <...> Ликург изгнал употребление сребра и золота и пустил в обращение железную монету. Он учредил народные столы, где каждый гражданин принужден был непрестанный подавать пример воздержания и строгости» (I, 237).⁴²

В основе политической концепции книги лежит идея народного суверенитета. Идея республики была выражена в переведенной Радищевым книге с неслыханной смелостью. Греция, «восхотев» «быть вольной», сбросила царей. «Тогда любовь к бесподанству стала отличающим греков качеством: даже царское имя им стало ненавистно и удрученный город мучителем был бы всей Греции поношением» (I, 232). Величие античного мира прямо связывается с господством республиканского строя: «Самодержавно управляемая Греция не произвела бы ни законов, ни художеств, ни добродетелей, вольностью и соревнованием в ней произращенных» (I, 232).

Свобода — высшее благо, и «народ никогда по воле своей не оставляет свою независимость» (I, 318).

Исполненный добродетели мир древних республик прямо противопоставляется монархическому рабству современности: «Мы не знаем, что такое есть покорение вольного народа. С тех пор, как монархия стала общее в Европе правление, где все подданные, а не граждане, и где разумы равно от сребролюбия и сладострастия изнемогают; то война и производится в землях к повиновению обыкших и защищаемых наемниками. Самые республики, нам предлежащие, представляют токмо толпу мещан, прилепленных ко гражданским упражнением: отчаяние не родит уже там чудес, и мы не найдем народов, предпочитающих разрушение свое потерею своей вольности. Спартане и афиняне хотели умереть свободными» (I, 245).

Для характеристики политических воззрений Мабли в такой же мере, как и для его социальных взглядов, показательна

⁴² Кстати, бесспорно, именно это имел в виду Радищев, когда иронически писал в «Путешествии» о крестьянах, питавшихся за общим столом на помещичьем дворе: «По обыкновению лакедемоняне пировали вместе на господском дворе». Ясно, что Е. В. Приказчикова заблуждается, когда упорно истолковывает в своих работах это место как сравнение крепостных крестьян с греческими рабами: «Радищев недаром сравнивал этих крестьян с лакедемонянами и называл их узниками: они были на положении таких же говорящих орудий, как рабы в рабовладельческой системе» (История русской экономической мысли, т. I, ч. 1. Гослитиздат, М., 1955, стр. 638). Радищев, конечно, знал, что рабами в Спарте были илоты, термин «лакедемоняне» имел в виду лишь свободных граждан. Ср. употребление этих терминов в радищевском переводе Мабли (А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I. Изд. АН СССР, Л., 1938, стр. 238).

трактовка им законодательства Ликурга. В реформированной Ликургом Спарте, по Мабли, суверенная власть принадлежит народу: «Народному же телу отдал законодатель сей власть самодержавную, то есть право давать законы, учреждать мир или войну и поставлять судей. . .» (I, 235).

«Самодержавство, коим народ пользовался» (I, 236), сочетается с подчиненной ролью царей и сената. Первым оставлена «неограниченная как полководцам над войском власть», причем, будучи судьями, они «купно с сенатом» являются «только орудием или исполнителями законов» (I, 235). «Отдельные республики объединяются в федерацию, которую автор называет «слитком государств вольных и цветущих» (I, 295).⁴³

Однако, изложенная смелая теория народной власти получила в книге Мабли характерное освещение. Она проникнута духом исторического пессимизма. Если для Радищева характерна вера в способность человека «противиться заблуждению» (I, 227), стремиться «всегда к прекрасному, величественному, высокому» (I, 215), с чем связана была вера в возможность достижения общественного порядка, обеспечивающего человеку счастье, то для Мабли господствующие в человеке в ущерб разуму страсти делают счастье фатально недостижимым. Он говорит о «мрачном благополучии» (так Радищев переводит «bonheur obscur»), для которого-то, вероятно, люди и сотворены» (II, 312).

Неверие в способность разума восторжествовать над неразумием страстей заставляло Мабли и в «Размышлении о греческой истории», как и в других произведениях, признавая, что народные интересы являются высшей задачей государства, в то же время подозрительно относиться к прямому народоправству. Осуждая демократический строй Афин, он спрашивал, не присваивался ли «через сие всемогущий сан толпе несмысленной, неосновательной, завидущей частию богатых», не возникало ли «под именем димократии истинное безначальство?» (II, 251). Он считал, что «Солону надлежало бы уменьшить число частых народа собраний» (II, 252).

Поэтому Мабли полагал, что лучшей государственной формой является правление мудрецов, проникнутых сознанием народных интересов. Так, Ликург учинил «Спартянам мудрое насилие, дабы преобразить их нравы и законы» (II, 317), «принудил лакедемонян быть мудрыми и счастливыми» (II, 246). Мабли даже допускает не только насилие, но и обман, если они

⁴³ Ср.: «Сто вольных и неподвластных городов составили наконец одну только союзную республику, коя мы во Швейцарии довольно сходственный видим образ» (там же, стр. 232).

имеют целью народное благо. Фемистокл, «не могши возвести чернь до своих мыслей, убеждал ее властью; возбуждал ее веру; отверзал уста богов; и Грецию исполнил прорицаниями, способствующими его предприятиям» (II, 246). Такая позиция определила понимание института эфоров в Спарте, излагаемое в книге. Надзор за исполнительной властью возлагается не на народное собрание, а на «эфоров или надзирателей». «Им особливо препоручено было предохранять, чтобы цари или сенаторы не употребляли во зло исполнительную власть» (II, 235—236). Это была фактически уже знакомая нам теория народных представителей, причем и в данной книге Мабли подчеркивал свои симпатии к «смешанному правлению», опасаясь неустойчивости «чистой демократии». Такова была, в общих чертах, социально-политическая концепция книги, с которой Радищев познакомил русского читателя. Однако самым существенным является то, как оценивал сам переводчик положение переводимого им сочинения Мабли. Радищев снабдил текст шестью примечаниями. Идейное значение имеют из них лишь два, но зато изложенная в них система воззрений весьма последовательна. Понимание этой системы невозможно без сопоставления их с другими высказываниями Радищева по аналогичным вопросам. Если сопоставить лейпцигские сочинения Ушакова, солидарность с которыми Радищев печатно подтвердил много лет спустя, выписки и заметки Радищева 80-х годов, оду «Вольность» и примечания к книге Мабли, то можно сделать вывод, что замечания переводчика к тексту Мабли неизбежно обусловлены всем ходом его мысли.

Радищеву чуждо противопоставление страстей и разума. На всем протяжении его творчества мы не встретим колебаний в том, что, «по системе Гельвециевой», «разум идет чувствованиям в след, или ничто иное есть, как они» (III, 346). Чувства связывают человека с окружающей средой. «Люди зависят от обстоятельств, в коих они находятся» (I, 191), — писал Ушаков в Лейпциге (перевод Радищева), «Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей», — много лет спустя, в Сибири, развивал ту же мысль Радищев (II, 64). Согласно радищевскому представлению о человеке, о его исконной антропологической основе — это «существо, всесилию и всеведению сопричастное» (II, 51), наделенное внешним «благолепием», стремящееся и к личному, и к общему благу. Основанному на представлениях сенсуалистического материализма идеалу человеческой личности соответствовал и определенный общественный идеал. Человек рожден для счастья: «Дерзай желати своего блаженства и блажен будешь» (III, 29).

Стремление человека к личному счастью не противостоит стремлению к нему других людей, ибо все они, живя в одинаковых условиях, подвергаясь одинаковому воздействию среды, имеют сходные представления, сходные потребности и интересы. В свободном от угнетения обществе эгоистическое стремление человека к личному счастью вместе с тем есть и гражданственное стремление к общему благу. «Доколе единомыслие в обществе царствовало, закон ничто иное был, как собственное каждого к пользе общей побуждение, ничто иное, как природное почти стремление исполнять каждому свое желание; и бо каждый в особенности своей ничего иного желал, как чего желали все...» (III, 29).⁴⁴ Из этого проистекало убеждение в том, что личная польза человека совпадает с нравственными требованиями общества, и стремление связать материальный интерес с общественной моралью. «Всякое действие его (человека, — Ю. Л.) во благе и во зле есть мздоимно», так как «причина к общежитию есть единственная, а именно собственная каждого польза» (III, 30). Другим следствием изложенной системы являлось убеждение в том, что, заключая общественный договор, человек сохраняет всю свободу естественного состояния, поскольку его свобода, по Радищеву, не имеет (в отличие от того, как полагал Руссо) антиобщественного характера. «Закон положительный, — писал Радищев в «Опыте о законодательстве», — не истребляет, не долженствует и немощен всегда истребить закона естественного» (III, 10).

«Гражданин, — писал Радищев в «Путешествии», — становясь гражданином, не перестает быть человеком» (III, 47).⁴⁵

Из подобного понимания характера общества закономерно вытекало и представление о «естественном» государственном порядке. Цель государства — счастье граждан: «Государство есть великая машина, коея цель есть блаженство граждан» (III, 5). Радищевское понимание природы человека заставляет его верить в народную массу, поэтому идея прямого и непосредственного народовластия находит в нем естественного защитника: «Собрание граждан именуется народом; соборная

⁴⁴ Ср.: «Свою творю, творя всех волею». — Разрядка моя, — Ю. Л.

⁴⁵ В этом отношении даже Пнин стоял на позиции, отличной от радищевской. Полемизируя с якобинской конституцией, он писал «Права человека согласуются ли сколько-нибудь с правами гражданина. Всякой человек может сделаться гражданином, но гражданин не может уже сделаться человеком. . . Из сего ясно видеть можно, сколь мнимые права человека противоположны правам гражданина» (Ив. Пнин. Опыт о просвещении относительно к России. СПб., 1804, стр. 24—25).

народом власть есть власть первоначальная, а потому высшая...». Исполнительная власть, которую «вверяет народ единому или многим», находится под его прямым и непосредственным контролем. «Худое власти народной употребление есть преступление» (III, 10). Подобный идеал политического порядка отличался от представительной системы Мабли и по непосредственным государственным формам, и по теоретическим установкам. Не случайно Мабли с раздражением говорил о развитии искусства красноречия в Афинах. Из-за права «всякому пятидесяти лет гражданину держать речь в народном собрании» «витийство приобрело сим власть сената превышающую», что «судейскую мудрость покорило своевольству народа» (II, 252). Радищев же с удовлетворением отмечает летописные сведения о древнерусском красноречии как историческое свидетельство распространения в древней Руси демократических форм правления. Выписав указание на то, что «Воробей посадник... бе вельми сладкоречив... иде на торжище и паче всех увеща», — он делает вывод: «Из сего видно, что красноречие тогда было почитаемо и *народные собрания во употреблении*» (III, 34).

Ясно, что замена прямого народовластия представительством — излюбленная идея Мабли — не встретила у Радищева сочувствия. Это выразилось в пояснительном примечании к слову «эфоры». Характер примечания заставляет предположить, что Радищев имел в виду и концепцию Мабли, и уточнение ее в аналогичном примечании Курбатова. Если Мабли в характеристике эфоров подчеркивал «между различными властями равновесие», вследствие чего, с одной стороны, «самодержавство, которым народ пользовался», было гарантией от узурпации власти царями и сенатом, с другой — «демократическая правления часть всегда бывала бессильна и утеснена судейскою властью, сколь скоро она свою власть во зло употребить хотела» (II, 236), то концепция Курбатова уточняет эту характеристику в духе идей Руссо о народном суверенитете. Однако и Мабли, и его русский переводчик положительно относятся к институту эфоров, видя в нем средство защиты народных интересов.

Точка зрения Радищева была, как мы видели, иной. Сторонник непосредственного народовластия, глубоко веривший в творческие возможности народа, Радищев критически относится к созданию политического института, подменяющего народное собрание. Он осуждает то, что «эфоры не имели положенных пределов своей власти. Представление об эфорах как защитниках «самодержавия народа» — основной тезис и Мабли, и Курбатова — также берется Радищевым под сомнение.

«Учреждение ефоров, — пишет он, — можно почесть средством, употребленным к восстановлению тишины и спокойствия» (II, 235). Достаточно вспомнить отношение Радищева к терминам «мир и тишина», чтобы понять, что защитники их для него не могли быть стражами народных интересов. В оде «Вольность» (в составе главы «Тверь») он писал: «В мире и тишине суеверие священное и политическое, подкрепляя друг друга союзно общество гнетут» (I, 357).

В другом месте «Путешествия»: «Оно <мучительство>, проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестию в оковы. Бойтся оно даже посторонняя тревоги» (I, 299).⁴⁶ Можно было бы привести и ряд других примеров.

Таким образом, примечание Радищева к слову «ефоры» представляет справку не столько фактическую, обнаруживающую его «осведомленность в столь специальном вопросе греческой истории» (II, 410), сколько формулу, вытекающую из иного понимания им представительного правления.

Второе значительное из примечаний Радищева к книге Мабли посвящено толкованию понятия «самодержавство». Цитация и комментирование его весьма часто встречаются в радищевской литературе. Исследователи обращали уже внимание на то, что содержание этого текста находится в известной зависимости от трактата Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре». Следует иметь в виду, что сам по себе этот факт весьма примечателен. Появившийся в 1762 году труд Руссо оставался еще произведением, сравнительно мало популярным. Свою известность и значение программного политического документа он приобрел значительно позже — в годы революции. Ссылаясь на данные Морне, согласно которым в каталогах частных дореволюционных библиотек Франции последнему удалось обнаружить 126 указаний на наличие «Новой Элоизы» (на наличие сочинений Вольтера — указаний 178) и лишь одно упоминание «Общественного договора», акад. В. П. Волгин отмечает: «В предреволюционное время в публицистике мало ссылок на Руссо как на политического мыслителя».⁴⁷ Однако значение

⁴⁶ Разрядка моя. — Ю. Л. Ср.: «Нужно обращать менее внимание на внешнюю тишину и на спокойствие начальников и более на благосостояние целых наций . . . Бунты, гражданские войны, сильно пугают глав государства, но не они являются причиной истинных несчастий народов . . . процветанию людей в действительности помогает гораздо больше свобода, а не мир» (Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре. Соцгиз, М.—Л., 1938, стр. 73—74).

⁴⁷ В. П. Волгин Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789). Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 131 Ссылка

примечания о «самодержавстве» не ограничивается изложением демократической теории народного суверенитета и общественного договора. Несмотря на краткость, оно содержит элементы, отражающие своеобразие позиции Радищева. Это — высказывания о размерах прав общества в наказании преступников и о праве народа судить государя. Тематически это связывает примечание с сочинениями Ушакова, одой «Вольность» и черновыми набросками Радищева. С последними имеются и текстовые совпадения. Без сопоставления с этими произведениями своеобразие примечания не может быть до конца понято.

Теория неделимости и неотчуждаемости народного суверенитета и вытекающее из нее требование прямого народоправства обусловили мысль о том, что только малые государства способны иметь демократический строй.⁴⁸

Гарантией выполнения правительством общей воли являлась возможность ее непосредственного изъявления. Таким образом, хотя система Руссо и подразумевала возможность вооруженного сопротивления народа воле узурпатора, но последнее входило в нее как отклонение от нормы, естественный же порядок государственной жизни протекал мирно. Система воззрений Радищева уже в первый период творчества сложилась иначе. Идея общего народного собрания, веча, свободно приглашающего и изгоняющего князей, была свойственна его политическому мышлению. Она определила интерес писателя к вечевым республикам древней Руси. Однако Радищев понимал утопичность лозунга федерации применительно к современности. Высказав его в оде «Вольность», Радищев более к нему не возвращался, а в заметке «Монтескиу и Руссо» подверг эту идею резкой критике. Но уже в той же оде «Вольность» им была развернута и иная система воззрений, детали которой помогают нам восстановить черновые наброски юридических сочинений Радищева: «В России суть два члена общества: государь и народ» (III, 15). Народ — суверен: «Соборная народа власть есть власть первоначальная, а потому власть высшая». Поскольку «употребление народу самому своей власти в малом

на статью Морне в «Revue d'histoire litteraire», XVII, juillet—septembre, 1910. Следует иметь в виду, что, как указывает сам Морне, показательность приводимых им цифр снижается тем, что они дают, в основном, сведения о читателе, принадлежащем к социальным верхам, имевшем возможность создавать собственные обширные библиотеки, и не отражают вкусов демократических кругов.

⁴⁸ Ср.: «Суверену отныне возможно сохранить свои права лишь в том случае, если гражданская община очень мала» (Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, стр. 84).

обществе есть трудно, а в большом невозможно» (III, 10), он образует правительство из «единого или многих». Если для Руссо законодателем может быть только суверен, т. е. народ, собранный на площади,⁴⁹ то у Радищева «употребитель народной власти (т. е. исполнительная власть, правительство, — Ю. Л.) дает законы». В таком понимании закон может предписывать свою волю лишь отдельным гражданам, но не всему народу, который всегда выше законодателя: «Законы есть предписание высшей власти для последования единственного; ибо соборному деянию народа власть, народом поставленная, хотя всего превыше, не может назначить ни пути, ни предела» (III, 10—11). Правительство — только «употребитель» народной власти. В этом отношении понимание Радищева близко к Руссо, считавшему, что «хранители исполнительной власти являются не господами народа, а его чиновниками», и при соблюдении этого условия «даже монархия становится республикой».⁵⁰ Критерием исполнения государем своих обязанностей является счастье отдельного гражданина. Поскольку (здесь Радищев расходится с Руссо) эгоизм отдельного человека должен совпадать в справедливом обществе с общенародными интересами и является основой морали, то государство, созданное как орудие общей пользы, не может посягать на счастье даже одного из граждан: «Отъявй единое из сих прав <имение, честь, вольность или жизнь, — Ю. Л.> у гражданина, государь нарушает первоначальное условие и теряет, имея скиптр в руках, право ко престолу» (III, 15). Единичный случай угнетения есть свидетельство искаженности всего государственного порядка. Радищев выписал «мнение судии Гольма»: «Если человек заключается властью не законною, то сие есть достаточная причина всем для принятия его в защиту<...> Когда свобода подданного нарушается, то сие есть вызов на защиту ко всем английским подданным» (III, 44). Уничтожение несправедливой власти мыслится Радищевым как революционный акт,

⁴⁹ Ср. «Суверен может действовать, лишь когда народ собран». Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, стр. 78.

⁵⁰ Ж.-Ж. Руссо, ук. соч., стр. 86 и 33. На аналогичную, по сути дела наивно-крестьянскую, точку зрения ориентировался Чернышевский, когда в листовке «Барским крестьянам» писал о политическом порядке, при котором «царь, значит для всего народа староста, и народ-то, значит, над этим старостой, над царем-то, начальствует». И дальше: «А то и при царе тоже можно хорошо жить»<...> Только, значит, с тем, чтобы царь во всем народу послушанье оказывал и без народа ничего сделать не смел...» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XVI, ГИХЛ, М., 1953, стр. 951).

венцом которого является суд народа-суверена над мятежником-царем:

Преступник власти мною данной,
Вещай, злодей мной увенчанный,
Против меня восстать как смел.

Народная революция и суд над царем утверждается как своеобразный государственный институт, проявление народного суверенитета. В примечании к тексту Мабли читаем: «Неправосудие государя дает народу, его судии, тоже и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками» (II, 282). Худое власти народной употребление есть преступление величайшее, но судить о нем может только народ в соборном своем лице», — писал Радищев в юридических набросках» (III, 10). Суд над царем мыслится как общенародный акт (ср.: «На вече весь народ течет»). Таким образом, государственная система, создаваемая Радищевым, не только включала, как это было у Руссо, потенциальную возможность революционных выводов, но и прямо узаконивала народную революцию в качестве гаранта политической справедливости. Мы не имеем достаточных материалов, чтобы судить, насколько эта система воззрений оформилась в период работы над переводом Мабли, но основное звено — суд над царем — в примечании уже присутствует. Таким образом, примечание оказывается связанным с целостной и в высшей степени интересной концепцией государственной власти, в которой стражем народного суверенитета оказывалась не возможность одновременного сбора народа на голосование, а готовность его к вооруженному восстанию против забывшего свои обязанности правительства.

Книга, которую перевел Радищев, содержала, в основном, политическую концепцию Мабли, и, если сам перевод указывал на определенную степень солидарности переводчика с автором, то примечания определены были, как мы видели, принципиальным расхождением по ряду вопросов.

Однако наиболее интересную и передовую часть воззрений Мабли составляют его социальные теории. Для разбираемой темы представляет интерес вопрос: в какой мере Радищев был в них осведомлен и как к ним относился. Одним из ярких эпизодов идейной жизни Франции конца 60-х годов XVIII века была развернувшаяся полемика между Мабли и физиократами.

Сочинения физиократов были, бесспорно, хорошо известны внимательно следившему за экономической литературой Радищеву. В «Записке о податях Петербургской губернии» читаем: «О, вы, гордящиеся наукою вашею в способах обогатить земле-

делателя! Вы, мнящие во время, когда благодетельная природа, сожигающая сосцы свои, дает вместо класов, мучным соком упоенных, куколь и «пробел в рукописи» когда, измолачивая из снопа своего вместо зерен плеву и мякину, содрогаешься, что можно опустелая жилы питательного сока наполнить вместо благодетельного мучного раствора тем, что назначил скоту своему в снеде! Устыдитесь своего изобретения, возгнушайтесь, когда костистая лапа глада тягчит рамена земледельца, помышлять о прибытке. Дайте ему работу, но с работою и плату! Тогда он иметь будет пищу, тогда дом его согрется, тогда птенцы его не погибнут от наготы или худыя пищи» (III, 105).

Чтобы понять смысл приведенного отрывка, необходимо установить, кого Радищев имеет в нем в виду. Прежде всего, очевидно, объектом обличения являются некие теоретики-экономисты, занимающиеся вопросами земледелия и стремящиеся обосновать использование трудного положения наемных рабочих для снижения получаемой ими платы. (Из контекста ясно, что речь идет о крестьянах, вынужденных в случае голода идти работать по найму). Здесь же Радищев «для прокормления поселян в годы худого урожая» предлагает учредить общественные работы.⁵¹ Приведенные наблюдения дают возможность выдвинуть некоторые предположения об адресате.

Острота социальных противоречий во Франции второй половины XVIII века позволила физиократам сделать ряд глубоких экономических наблюдений. Вместе с тем физиократы не только раскрывали законы нарождающегося буржуазного порядка, но и стремились оправдать их как «естественные». Это особенно ярко проявилось в разработке философами-«экономистами» вопроса оплаты наемного труда. Еще Кене отметил влияние конкуренции на понижение платы работнику в сельском хозяйстве, в результате чего «чистый продукт» переходит в руки землевладельца. Детально это явление было освещено и теоретически оправдано в сочинениях Тюрго. «Простой работник, — писал Тюрго, — кроме своих рук и умения, не имеет ничего, пока ему

⁵¹ Последняя четверть XVIII века во Франции, как и в России, отмечена целой полосой тяжелых голодных лет. Голод был социальным явлением и свидетельствовал о кризисе системы феодального землевладения. В этих условиях проблема борьбы с обнищанием крестьян, с последствиями неурожая приобретала особую остроту. Физиократы откликнулись на нее идеей общественных мастерских (*ateliers de charité*). Тюрго удалось добиться от короля эдикта 2 мая 1775 года о мерах оказания помощи неимущим, «предоставляя им работу (*en leur offrant du travail*)». Однако, как указал еще Чернышевский, сама идея заботы о благосостоянии работника находилась в противоречии со всем духом учения физиократов и предлагаемые ими мастерские сулили народу только эксплуатацию.

не удастся продать кому-либо свой труд. Он его продаст более или менее дорого. Но эта цена, более или менее высокая, не зависит от него одного; она определяется соглашением, которое рабочий заключает с теми, кто оплачивает его работу. Этот последний ему платит как можно дешевле, а так как он имеет выбор из большого числа рабочих, то он и предпочитает тех, кто работает за более дешевую плату. Работники же завистью одного к другому принуждены понижать цену. Во всех родах работ должно происходить и происходит на самом деле то, что плата работнику ограничивается тем, что ему необходимо для поддержания существования».⁵²

Предлагаемые Радищевым общественные работы противоположны «ateliers de charité» — работники в них не средство, а цель. Если принять предположение (а с известной долей осторожности это можно сделать), что в приведенном отрывке Радищев имел в виду Тюрго, то раскроется резкая противоположность позиций. Радищев выступает с позиции защитника народных интересов. Вместе с тем характерно, что раскрытый Тюрго объективный закон буржуазного общества рассматривается Радищевым лишь как злонамеренная выдумка в ущерб интересам трудового человека.

Отрицательно настроенный по отношению к учению физиократов, в условиях оживления внимания к проблемам экономики и производительности хозяйства, характерного для 70—80-х годов XVIII века (такие события, как приезд в Россию Мерсье де ла Ривьера, еще более подогревали общественное внимание к трудам учеников Кене), Радищев вряд ли мог пройти мимо появившейся в 1768 году полемической книги Мабли «Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ».

В этой книге критика собственнического общества и социалистические идеалы Мабли проявились с полнотой и блеском. Мабли называет основанный на собственности «естественный порядок» физиократов противоестественным. «Я не могу отказаться от приятной мысли обобщенности имуществ, — говорит он. Мабли указывает на то, что в собственническом обществе люди делятся на непримиримо враждебные классы. Однако Радищева привлекала особенно одна сторона полемики француз-

⁵² Turgot. Oeuvres, t. V, Paris, 1808, стр. 7—8. Радищев, вероятно, был знаком с первым изданием, осуществленным в 1782 году в Филадельфии Дюпон де Немуром. Интересовавшийся событиями в Америке и следивший за экономической литературой, Радищев не мог пропустить подобного издания. Цитата извлечена из «Записки о податях Петербургской губернии», создававшейся в 1786—88 годах.

ского утописта с физиократами. Последние, считая, что национальное богатство создается земледелием, требовали устранения какого-либо вмешательства в дела собственников. Конкуренция и «естественный ход» экономического развития сами научат землевладельцев искусству получения наибольших урожаев, от чего и зависит благоденствие нации. Мабли также являлся сторонником процветания земледелия: «Люди не имеют другого истинного богатства, кроме продуктов земли».⁵³ Считая, что торговля развращает нравы, он даже на гербе возникающих в Америке Штатов не желал бы видеть корабль. «Подумайте, — писал он, — что для вас он будет ящиком Пандоры».⁵⁴ Однако сам подход к общественным вопросам у Мабли резко отличается от подхода физиократов. Он отказывается считать целью общества получение наибольшего количества продуктов земледелия. Он пишет: «Может быть скажут, что задачей, целью, предназначением общества является обработка земли. Нет, сударь, общественные установления не затем были созданы, что человек животное, которое следует насыщать, но потому, что он разумен и чувствителен». Дело не в богатых урожаях, а в общественной справедливости: «Нет, сударь, при том состоянии, до которого земельная собственность довела людей, совершенно неверно, будто вся политика должна состоять в увеличении „свободного дохода“, в том, чтобы учреждать лишь прямые налоги на земли и в религиозном преклонении перед землями, необходимыми для выращивания хлебов. Надо, конечно, иметь хорошие урожаи, но сперва надо иметь отличных граждан».⁵⁵

Теория физиократов была глубоко противоположна идеям Радищева. Для него на первом плане стояли интересы живой человеческой личности: «Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни сулило, есть и пребудет всегда человек, а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда» (I, 279). Стремление оценить государственные действия с точки зрения «малой дробинки», живого человека, отнюдь не было проповедью индивидуализма — оно означало защиту интересов утесняемого народа.⁵⁶ Не случайно,

⁵³ Mably, Collection complète, т. VIII, стр. 386.

⁵⁴ Там же, стр. 391.

⁵⁵ Там же, т. XI, стр. 26 и 29. Ср.: Г.-Б. Мабли, Избранные произведения, М.—Л., 1950, стр. 187 и 190.

⁵⁶ Ср. ответ Герцена на утверждение Огарева в письме 1841 года, что «частный случай не может навести уныние за общее». «Частный случай! Конечно, все, что случается не с целым племенем, можно назвать частным случаем, но, я думаю, что есть повыше точка зрения, с которой землетрясение Лиссабона — частный случай, на который надобно смотреть сложа руки, а приказ Геслера Телю стрелять в яблоко, касавшийся только двух

как мы уже отмечали, отдельный случай угнетения, по Радищеву, — основание для всеобщего восстания. Понятно, что воззрения физиократов, забывавших, по меткой характеристике Чернышевского, «что цифры в его (Кене, — Ю. Л.) итогах представляют людей»,⁵⁷ стремившихся заслонить интересы народа «естественным» («противоестественным», по замечанию Мабли) процессом развития собственности, оправдать угнетение народа ростом общественного богатства, не могли вызвать у Радищева никакого сочувствия. Есть основания полагать (хотя, конечно, возможно и случайное совпадение формул), что в критике физиократов Радищев учитывал «Сомнения» Мабли. Радищев не ставил своей целью всестороннее критическое рассмотрение учения физиократов. Его интересовали те вопросы, которые были актуальны для русских условий. В связи с этим перед ним вставал вопрос, о чем должен заботиться теоретик-экономист: об одном лишь увеличении плодов земледелия или об улучшении положения народа. В этом аспекте критика Мабли могла показаться ему особенно интересной. Как и Мабли, Радищев требует сосредоточить внимание не только на увеличении урожая, но и на справедливом его распределении. Его не удовлетворяет забота об агротехнике, приводящая к увеличению эксплуатации: «С умножением роскоши, с познанием правил и выгод земледелия <...> жребий их <крестьян, — Ю. Л.> становится тягостнее» (III, 118).⁵⁸

Попытки приспособить идеи физиократов к русской крепостнической действительности шли именно по линии пропаганды рационализации помещичьего хозяйства. Именно поэтому сторонников теории урожая как источника национального богатства, равнодушных к судьбам непосредственного производителя, Радищев и смог полемически приравнять к помещикам-крепостникам. В «Путешествии» он писал: «Блаженно <государство, — Ю. Л.> кажется, когда нивы в нем не пустеют» (I, 315). Чтобы понять, кого имеет Радищев в виду, достаточно сопоставить это место с «Сомнениями» Мабли: «Когда у экономиста спрашивали, какой народ самый счастливый, он отвечал: „тот, у которого поля лучше всего обработаны“. Какое государ-

индивидов, — самое возмутительное действие для всего человечества» (А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. II, Пгр., 1919, стр. 415). Ср. также мысль Добролюбова о том, что все сложные общественные вопросы можно свести к формуле: «человек и его счастье» (Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. 2, Л., 1935, стр. 234).

⁵⁷ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, ГИХЛ, М., 1950, стр. 296.

⁵⁸ (Разрядка моя, — Ю. Л.). В данном контексте характерен выпад против роскоши, т. е. имущественного неравенства.

ство самое могущественное? — „То, которое способно извлечь наибольший доход из своих земель“». ⁵⁹ Закономерно, что сторонники подобного взгляда поставлены Радицевым рядом с защитниками «тишины и устройства», которые для него «наемники мучительства».

В случае, если народ угнетен, страна, обильная урожаями, оказывается для Радицева «опустошенной»: «И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ея не поросли тернием и нивы их обилуют произращениями разновидными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова» (I, 317).

Вопрос о производительности сельского хозяйства оказывается для Радицева связанным со справедливым распределением, с интересами «кормильца тощеты» всего общества — крестьянина: «Или блаженство граждан в том почитаем, чтоб полны были хлеба наши житницы, а желудки пусты?» (I, 326).

Однако при общем сходстве позиций Мабли и Радицева в данном вопросе необходимо учитывать и отличие. Мабли, аскетически проповедующий добродетельную бедность, вообще осуждает стремления к увеличению общественного богатства. Для Радицева же зло — в несправедливости распределения, а само по себе богатство, если оно не основано на угнетении, является наградой труда и осуждения не встречает. Идея ограничения человеческих потребностей Радицеву чужда. ⁶⁰

Указанное отличие имело частный характер и вытекало из более существенных расхождений. Основным из них было отношение к частной собственности. Данный вопрос тем более интересен, что он позволяет судить об отношении Радицева к самому существенному в наследии Мабли — к его коммунистической теории.

Радицев многократно заявлял себя сторонником частной собственности, «которая первым положительным законом почтеться может» (III, 13). В главе «Хотиллов», как одно из условий социальной гармонии, указывается: «Межа, отделяющая гражда-

⁵⁹ Г. Мабли, Избранные произведения, стр. 168.

⁶⁰ В «Рассуждении о человеке и его способностях» — статья, возможно, написанной Радицевым или, во всяком случае, автором, находящимся под его влиянием, читаем: «Худо рассматривали человека, когда думали, что для учинения счастливым должно приучить его к бедности. Правда, что навык к бедности умалет количество наших несчастий, но, отъемля больше у нас удовольствий, нежели печалей, доводит человека скорее к нечувствительности, нежели к блаженству» («Беседующий гражданин», СПб., 1789, ч. III, стр. 124).

нина в его владении от другого, глубока, и всеми зрима, и всеми свято почитаема» (I, 312). Однако само понимание собственности Радищевым весьма своеобразно. Она, для Радищева, совпадает с понятием сферы приложения и плодов личного труда. В этом отношении на той же позиции стоял и Пнин, писавший: «Человек приобретает справедливые права на все те вещи, которые дабы соделаться таковыми, каковыми они суть, требовали употребления личных его способностей. Его работа сливает его так сказать с вещью, которую брал он на себя труд образовать, усовершенствовать, сделать полезною».⁶¹ Присвоение продукта чужого труда является не собственностью, а грабежом. В этом смысле душевладелец и землевладелец собственником не признается. Он — «общественный тать», и «богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежом, и заслуживает строгого в законе наказания» (I, 326). Это же определяет и отрицательное отношение Радищева к купечеству как сословию, непосредственно не производящему жизненных благ (Карп Дементыч в главе «Новгород»). Характеризуя подобную точку зрения, Г. В. Плеханов писал: «Предметы составляют собственность тех, кто произвел их своим трудом. Это, как видите, вовсе не капиталистическое понятие о собственности. В развитом капиталистическом обществе собственность есть, по меткому выражению Лассаля, чужость (Eigenthum ist Fremdenthum), так как доход богатого создается не его собственным, а чужим трудом, трудом наемных рабочих. Но в том обществе, в котором отношения производства еще не стали господствующими, главным основанием собственности служит труд собственника. И потому ее с убеждением и жаром защищают люди, дорожащие интересами трудящейся массы».⁶²

Радищевская апология собственности имеет характер прямого требования полной ликвидации помещичьей собственности. Позиция защитника непосредственного производителя обусловила отрицательное отношение Радищева к наемному труду крестьянина на чужой земле, что, по его мнению, не отличается от крепостничества. Он требует:

Златая жатва, чтоб бесследна
Была о р а т о ю полезна.

Этому идеалу противопоставляется и труд батрака («бразды

⁶¹ Ив. Пнин. Опыт о просвещении относительно к России. СПб., 1804, стр. 13—14.

⁶² Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, кн. III. ГИЗ, М.—Л., 1925, стр. 10—11.

своей я не наемник») и принудительный труд крепостного («на пажитях своих не пленник»).⁶³ Считая, что размер земельного участка в руках крестьянина должен соответствовать возможностям личной обработки, Радищев допускает изменимость этих возможностей в зависимости от болезней, возраста и т. д.: «Младенцу или старцу, расслабленному, немощному и нерадивому, удел будет бесполезен» (I, 314—315). Это может вызвать концентрацию земли в одних руках, нарушить важнейшие условия справедливого общественного порядка — «равенство в имуществах», которое «отъемлет корень даже гражданских несогласий» (I, 312). Проблема имущественного неравенства волновала русских студентов еще в Лейпциге. Ф. В. Ушаков полагал, что «опыты всех веков и настоящее государств состояние доказывают невозможность равенства имений» (I, 194). Видимо, в связи с этой проблемой внимание Радищева привлекли ежегодные переделы земли у крестьян. Он отмечал, что «казенные крестьяне» «по мирским приговорам» совершают «разделение земель между собою», да и помещицы, если находятся на оброке, т. е. имеют минимальную возможность самим устанавливать характер землепользования, «землю между собою делят по тяглам», «и нередко бывает, а особенно с умножением душ, что делают новый земель раздел» (I, 130).

Приведенные высказывания Радищева нашли в исследовательской литературе противоречивые оценки.⁶⁴ Пояснить точку зрения Радищева может заметка «Годовой раздел земли у крестьян», в которой находим: «Кто бы мог помыслить в наше время, что в России совершается то, что искали в древности наилучшие законодатели, о чем новейшие помышляют, от чего зависит та отменная любовь к своему жилищу российского земледельца» (III, 132).

⁶³ Разрядка моя. — Ю. Л. Ср. в статье «Рассуждение о человеке и его способностях» («Беседующий гражданин», 1789, ч. III, октябрь), написанной под влиянием Радищева, если не вышедшей из-под его пера: «Простой народ, сие множество людей, которое во всех государствах переносит трудные работы и тягости общественные, бывает ли счастлив в тех государствах, где следствия войн и несовершенства правительств ввергнули оный в рабство или в тех правлениях, где успехи роскоши и правительство ввели оный в работу» (А. Н. Радищев. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, 1950, стр. 122).

⁶⁴ А. Н. Шапиро. Записки о Петербургской губернии А. Н. Радищева. «Исторический архив», V, М.—Л., 1950, стр. 208; Е. Приказчикова. Экономические взгляды А. Н. Радищева. М.—Л., 1949, стр. 86, а также: Сб. «История русской экономической мысли», т. I, М., 1935, стр. 643—645.

Для уяснения смысла приведенных отрывков важно определить, о каких древних и новых законодателях идет в них речь. «Новейший законодатель», — бесспорно, Мабли. В книге «О законодательстве, или принципах законов» Мабли доказывал, что любое справедливое распределение земельной собственности неизбежно приведет к концентрации ее в одних руках, и, отрицая возможность периодических переделов, выдвигал коммунистическое требование общественного владения землей. Он писал: «... с какой бы степенью равенства ни был произведен дележ земли, невозможно, чтобы в государстве не образовались вскоре богатые и бедные граждане; и это неравенство имуществ необходимо породит неравенство условий. Такова неизбежная судьба, так как было бы безумием простирать законы до того, чтобы повелевать гражданам иметь одинаковый ум, одинаковое искусство, одинаковую охоту к работе и одинаковое число детей. Итак, земли уродят больше в одних руках и меньше в других, и при равенстве в дележе (земли, — Ю. Л.) возникнет вскоре неравенство в имуществе. Предоставьте времени собрать или разделить передаваемые имущества и наследства, обождите третьего поколения, и я вам отвечаю, что вы не найдете более равенства в вашей республике. Но, может быть, закон прикажет совершать каждые сто лет новый раздел земли? В этом случае, я вас предупреждаю, лекарство будет хуже, чем болезнь. В конце каждого века никто не будет заботиться об обработке земли, поскольку не будет иметь надежды ее сохранить. Повсюду образуются заговоры и партии, и вместо того, чтобы исправить государство, вы его погубите».⁶⁵ В качестве лекарства предлагается (с ссылкой на Ликурга, которого Радищев и имеет в виду, говоря о «наилучших законодателях» древности) ликвидация земельной собственности. Размышления Мабли о невозможности земельных переделов и природе собственности были связаны с дискуссией по этому поводу, о ходе которой Радищев был, бесспорно, осведомлен. В «Размышлении о создании и распределении богатств» Тюрго, развивая точку зрения физиократов, также признавал трудовое происхождение земельной собственности. Он писал: «Первые собственники занимали сначала, как было уже сказано, столько земель, сколько их силы и силы их семьи позволяли им обработать».⁶⁶ В дальнейшем же, как до-

⁶⁵ Mably, Collection complète, т. IX, стр. 65—66. Ср.: Г. Мабли, Избранные произведения, стр. 89—90. Радищев, вероятно, пользовался изданием: Mably, De la législation, ou principes des loix. A Amsterdam et à Leipzig, MDCCCLXXVII, стр. 51.

⁶⁶ A. R. Turgot. Réflexions sur la formation et la distribution des richesses (написано в 1766 г.); ср.: Тюрго (1727—1781). Размышления

казывал Тюрго, привлекая те же самые аргументы, что и Мабли (леность одних и трудолюбие других, разность почвы, способностей, количество членов семьи), земля должна была неизбежно сконцентрироваться в руках немногих. Передел земли невозможен. Но выводы, которые делает Тюрго, прямо противоположны коммунистическим идеалам Мабли. Для последнего они служили основой требования уничтожить всякую собственность на землю. Тюрго же ими обосновывал неравенство как неизбежный результат «естественного» развития.

Какова же позиция Радищева? Ему глубоко чуждо стремление физиократов представить порядок, основанный на имущественном неравенстве, как «естественный». Однако характер внутренних противоречий России, обусловивший систему воззрений Радищева, делал для него недоступными и коммунистические идеалы Мабли. Заметка «Годовой раздел у крестьян» фактически оспаривает весь ход мысли Мабли и имеет целью доказать, что трудовая частная собственность возможна.

Таким образом, интерес Радищева к общинному землепользованию был продиктован стремлением оправдать крестьянский идеал работы на своей земле (недаром, работая над «Русской правдой» по тексту Татищева, он выписал: «А иже между перерет... — 12 гр.», и заметил: «Из сего видно, что земля была собственность»).

Однако идея переделов земли вносила существенные поправки в само понятие собственности, подчеркивая ее трудовой характер. Общество сохраняет за собой право вмешиваться в дела собственника (этого физиократы ни за что бы не одобрили), если его собственность может послужить основой угнетения. Позиция Радищева, отличная от утопического коммунизма Мабли, близка к теориям мелкобуржуазных уравнивателей XVIII века (прежде всего, Руссо) и отражает интересы русского крепостного крестьянства XVIII века. В этом отношении любопытны колебания Радищева, то признающего собственность основой общественного союза и явно с осуждением относящегося к тому, что казенные крестьяне землю имеют только на употребление,⁶⁷ то восклицającego в выражениях, очень близких к знаменитому началу второй части «О причинах неравенства» Руссо: «Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! он пригво-

---

о создании и распределении богатств. Ценности и деньги. Перевод и дополнения проф. А. Н. Миклашевского, «Ученые записки имп. Юрьевского университета», 1906, № 1, стр. 7, отд. пагин.

⁶⁷ «Можно ли сие назвать собственностью?» — иронически спрашивает Радищев (Полн. собр. соч., т. III, стр. 130).

здил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком» (II, 64).

Подобное колебание весьма характерно: оно было обусловлено стремлением утвердить крестьянскую идею трудовой и уравнительной собственности. Будучи сама по себе утопична, эта идея имела глубоко революционный характер. В. И. Ленин писал: «Идея равенства — самая революционная идея в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще — и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности».⁶⁸

Рассмотренные нами идейные связи Радищева и Мабли представляют сравнительно частную тему в изучении мировоззрения писателя-революционера; она позволяет, однако, как мы видели, выявить весьма существенные стороны его идеологической позиции.

---

⁶⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 214.